

ЕВГЕНИЙ ПЛАВЕНКО

«ЧТОБЫ ЧЕЛОВЕКА ПОМЕСТИТЬ В СИЗО, ДОСТАТОЧНО МНЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ»

МУДРОСТЬ «ОТ СУМЫ И ОТ ТЮРЬМЫ НЕ ЗАРЕКАЙСЯ» АКТУАЛЬНО ХАРАКТЕРИЗУЕТ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОГО БИЗНЕСА И СИЛОВЫХ СТРУКТУР. УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА ВОЗБУЖДАЮТСЯ ПО ФОРМАЛЬНЫМ ПРИЗНАКАМ В ОТНОШЕНИИ ЧИСТО ЭКОНОМИЧЕСКИХ СОСТАВОВ. УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАРТНЕР «ДЮВЕРНУА ЛИГАЛ» ЕГОР НОСКОВ ПОГОВОРИЛ С BG О ПАГУБНОСТИ ПРАКТИКИ САЖАТЬ КОММЕРСАНТОВ ПО СТАТЬЕ БАНАЛЬНОГО МОШЕННИЧЕСТВА. ЕЛЕНА БОЛЬШАКОВА

BUSINESS GUIDE: На недавней конференции, организованной «Коммерсантом» в Санкт-Петербурге, вы заметили, как часто в прессе слово «арест» стало появляться рядом с именами известных бизнесменов. Почему это происходит и так открыто?

ЕГОР НОСКОВ: Думаю, причина не в том, что появилась некая команда «фас» от власти в отношении представителей крупного бизнеса. Скорее правоохранительные органы получили сигнал от политического руководства, что неприкасаемых нет и, если есть материал, его можно разрабатывать. А поскольку в российских реалиях невозможно заниматься крупными проектами, не входя поминутно в соприкосновение с Уголовным кодексом, практически любого крупного бизнесмена есть, за что привлекать к ответственности.

Коммерческий подкуп, который в народе называется откатом — повсеместная практика в деловом обороте и прямо является составом уголовного преступления. Схемы по оптимизации налогов при рассмотрении под определенным углом легко превращаются в уголовную статью «уклонение от уплаты налогов». Сейчас в силу сложностей в экономике и кризиса неплатежей банкротятся миллионы реальных компаний по России, и любое банкротство всегда в себе несет признаки преднамеренного, что тоже является статьей Уголовного кодекса. Для всех остальных случаев существует так называемая «резиновая» 159-я статья «мошенничество», по которой возбуждается более 90% всех экономических составов.

По основному определению, мошенничество — это хищение имущества путем введения в заблуждение. Кого? Кого угодно. В каком виде? В любом. Во всей Российской Федерации преступления, с которыми неспециалист не может разобраться (вопросы, связанные с ценными бумагами, деривативами, со сложными корпоративными отношениями, иностранными компаниями), попадают под тот же состав, который изначально готовился для наперсточников. Получается, что в России нет бизнесмена, который, зная, что он в своих действиях не совершал никогда состава преступления, мог бы спать спокойно.

BG: По логике власти, отсутствие неприкасаемости должно со временем вышколить бизнес, привести его в цивилизованное состояние.

Е. Н.: «Беловоротничковая» преступность, то есть преступления с акциями, интеллектуальными правами, компьютерными программами, существует во всех странах, и во всех странах с нею борются. Я не хочу сказать, что бизнесмены не должны нести ответственность за свои действия. Но за рубежом каждый бизнесмен знает: если его обвинят, то, вероятнее всего, до суда он будет находиться под залогом. А это значит, что он сможет подготовиться, доказать свою невиновность и не окажется в невыносимых условиях без причины.

В России при возбуждении уголовного дела предприниматели в подавляющем большинстве случаев оказываются в следственном изоляторе. Для того чтобы человека поместить в сизо, достаточно, по сути, мнения одного следователя из правоохранительных органов (а у нас их немало — и МВД, и ФСБ, и следственный комитет).

Такая юридическая практика является проблемой, потому что предприниматели — это та категория подозреваемых, которая, очевидно, общественной опасности не представляет. Получается, уважаемый член общества, часто крупный налогоплательщик, семьянин, ранее не судимый, гражданин, который во всем мире считается столпом общества, может вдруг оказаться в переполненной камере рядом с теми, кто продавал наркотики или совершал разбойные нападения, просто по произволу. Именно это, на мой взгляд, — самый тормозящий и разрушающий элемент российского бизнеса.

BG: Какова вероятность получить оправдательный приговор, есть общая статистика исходов таких дел?

Е. Н.: С точки зрения закона каждый раз меру пресечения избирает суд. Но абсолютная редкость, когда следствие не просит содержания под стражей, и еще большая, когда суд избирает другую меру пресечения. Так человек лишается возможности подготовить защиту, а значит, дело с вероятностью 99% не будет пре-

кращено до суда. И с еще большей вероятностью лицо будет осуждено. Шансов выйти с оправдательным приговором меньше, чем выиграть в рулетку, поставив на одно число. Это менее полпроцента.

BG: Если осудить можно любого, какая система в действиях государственного обвинителя?

Е. Н.: В том-то и проблема: до одних дошли руки, а до других пока нет. Погружение в деятельность бизнесмена можно осуществить в рамках дела, возбужденного даже не в отношении него самого. Были нашумевшие случаи, когда правоохранители прослушивали телефонные разговоры людей по уголовным делам, никакого к ним отношения не имеющих. Я с трудом себе представляю подрядчика, который сейчас будет заинтересован в крупном государственном контракте, потому что все такие стройки (и космодром «Восточный», и «Зенит-Арена», и «Новые Кресты», и «Ново-Огарево») заканчиваются уголовными делами и арестами. Единственное, что может изменить ситуацию, — если деловое сообщество перед лицом этой опасности сплотится, начнет лоббировать свои интересы, и донесет-таки до власти, что речь идет не о единичных мошенниках, а о бессистемном, но крайне массированном давлении на бизнес.

BG: Если я спрошу вашего совета, как бизнесмену обезопаситься от ареста, что вы ответите?

Е. Н.: Я, безусловно, считаю, что бизнес надо вести, максимально соответствуя букве закона, так как соответствия духу закона уже, очевидно, недостаточно. Обеспокоенность вызывает то, что большое количество действий, формально попадая под состав преступления, таковым не являются. Массовый характер имеют дела, возбужденные по ч. 4 ст. 159 по причине нерыночной цены сделки — в первую очередь подряда и поставки. Любому студенту юридического вуза известно, что Гражданским кодексом гарантируется свобода договора и, если цена не устраивает одну из сторон, это основания для разбирательства в арбитражном суде или в суде общей юрисдикции, но никак не для возбуждения уголовного дела.

BG: Какой выход у бизнесменов?

Е. Н.: Они выстраивают себе запасные аэродромы в виде инвестиционных паSPORTов и видов на жительство в тех странах, которые не склонны экстрадировать предпринимателей по запросам российской Генпрокуратуры. Этих стран не так много. В первую очередь — Великобритания, Израиль и США. Для того чтобы жить в Великобритании, пока еще достаточно иметь паспорт любой из европейских стран. Получить паспорт в обмен на инвестиции можно на Мальте и Кипре. Такие программы (инвестиции по которым могли бы, к слову, быть размещены и в России, и она бы от этого ничего не потеряла) имеет целый ряд стран, но они не дают право жить в Евросоюзе.

BG: Каковы планки инвестиций для стран, не экстрадирующих по экономическим составам?

Е. Н.: Чтобы получить инвестиционную визу Великобритании, необходимо разместить 2 млн фунтов в этой стране на срок от шести лет. Достаточно купить государственные ценные бумаги, поэтому большинство обеспеченных россиян, проживающих в Великобритании, имеют такие визы. Если получать инвестиционный паспорт, то в случае с Мальтой это невозвратный платеж в бюджет, который на семью из четырех человек составит €750 тыс. (а на одного €625 тыс.), на Кипре это вложение €2 млн в недвижимость.

BG: Разберем иную схему действий. Попал ты под следствие, остался в России. Дальше что?

Е. Н.: А дальше, по очевидной статистике, лицо помещается в сизо, и лучшее, на что оно может претендовать в случае экономического состава, — это минимальный обвинительный приговор и выпуск на свободу за срок, проведенный под стражей в период следствия. Над правовой защитой работают уголовные адвокаты, но большинство из них ни разу в жизни не видели оправдательного приговора. Он, конечно, случается на практике, но от этого не перестает быть великим чудом. ■

**Полную версию читайте на spb.kommersant.ru*